

Поликодовый аспект русскоязычного магического заговора

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/tabogp>

Поликодовый аспект русскоязычного магического заговора

Фомин Андрей Геннадьевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5774-7041

<https://orcid.org/0000-0002-2742-7747>

Scopus Author ID: 57204806354

andfomin67@mail.ru

Яницкий Борис Лонилович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0009-0001-2600-1429>

Аннотация: Исследуется поликодовая структура русскоязычных магических заговоров – уникального жанра традиционной словесности, представляющего значительный интерес для современной лингвистики. Актуальность исследования обусловлена включенностью рассматриваемого вопроса в проблематику направлений современной лингвистики, изучающих язык в его культурном контексте, особенности дискурса и текста, проблемы мультимодальной коммуникации, специфику поликодовых текстов, семиотические аспекты речевого взаимодействия, а также перформативную природу языка и механизмы речевого воздействия. Научная новизна заключается в системном подходе к описанию. Цель – выявить и описать специфику поликодовой структуры русскоязычного магического заговора. Задачи включают выявление лексико-морфологических и прагмалингвистических особенностей вербального кода; характеристику паттернов невербальных кодов; определение ключевых культурных кодов; описание механизмов их взаимодействия. Методология основана на выявлении корреляции кодов путем использования комплексного подхода (дискурсивный, семиотический, лингвистический, прагматический анализ) и материале более 1800 заговоров XVII – начала XX в. Результаты показывают, что заговор – это интегративная система, где вербальные формулы, ритуальные действия и культурный фон неразделимы. Выявлены специфические черты каждого кода и механизмы их синергии, создающие целостный мультимодальный эффект. Выводы подчеркивают, что понимание поликодовой природы заговора является ключом к его адекватной интерпретации.

Ключевые слова: магические заговоры, поликодовый текст, семиотика ритуала, русский фольклор, перформативность, магический дискурс

Цитирование: Фомин А. Г., Яницкий Б. Л. Поликодовый аспект русскоязычного магического заговора. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 621–630. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-621-630>

Поступила в редакцию 27.05.2025. Принята после рецензирования 28.07.2025. Принята в печать 28.07.2025.

full article

Polycoded Aspect of Russian Spoken Charms

Andrey G. Fomin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 5774-7041

<https://orcid.org/0000-0002-2742-7747>

Scopus Author ID: 57204806354

andfomin67@mail.ru

Boris L. Ianitskii

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0009-0001-2600-1429>

Abstract: Russian spoken charms represent a unique genre of traditional verbal folklore with its own remarkable polycoded structure. The issue belongs to a wide circle of contemporary linguistic problematics, which includes cultural linguistics, multimodal communication, polycoded texts, verbal semiotics, performative language, speech influence, and the discourse vs. text dilemma. The authors applied the method of systemic description to Russian spoken charms to identify and describe their polycoded structure, as well as their lexical, grammatical, and pragmatic

verbal code, non-verbal code patterns, and major cultural codes in their interaction. A combination of discursive, semiotic, linguistic, and pragmatic analyses was applied to 1,800 charms from 17th – early 20th centuries. A spoken charm proved to be an integrative system of intertwined verbal formulae, ritual actions, and cultural background. It owed its holistic multimodal effect to the specific features of each code and the mechanisms of their synergy. The polycoded nature of the Russian spoken charm proved to be the key to its adequate interpretation.

Keywords: spoken charms, polycoded text, ritual semiotics, Russian folklore, performativity, magical discourse

Citation: Fomin A. G., Ianitskii B. L. Polycoded Aspect of Russian Spoken Charms. *SibScript*, 2025, 27(4): 621–630. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-621-630>

Received 27 May 2025. Accepted after peer review 28 Jul 2025. Accepted for publication 28 Jul 2025.

Введение

Современная лингвистика проявляет растущий интерес к изучению ритуального и магического использования языка [Forrester 2013; Tavárez 2014]. Это обусловлено как углублением понимания языка в качестве комплексной семиотической системы, конструирующей культурную реальность, так и смещением фокуса гуманитарных наук на культуру, ритуал и перформативность [Language... 2006: 4]. Магические заговоры как уникальный жанр традиционной словесности [Conrad 1989: 434] привлекают внимание способностью демонстрировать глубинные связи языка, культуры и верований [Завьялова 2006: 6]. В данном исследовании магический дискурс понимается как особый тип ритуальной коммуникации с установкой на перформативное воздействие и суггестивность [Гончарова 2012; Куликовская 2021; Kulikovskaya 2022], что переключается и с ритуализированными речевыми актами в современном публичном дискурсе [Баранов 2024: 17, 19].

Изучение магических заговоров ценно для понимания архаичных языковых форм и перформативной силы слова [Austin 1962: 6]. Особую значимость приобретает анализ их поликодовой природы: заговор – это синкретичный феномен, где вербальный текст неразрывно связан с невербальными семиотическими системами (звуковым оформлением, жестами, ритуальными предметами, организацией пространства-времени) [Скорик 2021: 206]. Такой подход соответствует актуальным направлениям лингвистики, исследующим мультимодальную коммуникацию, семиотические аспекты и поликодовые тексты. Изучение специфики языка заговора в его ритуальном воплощении (структурные, семантические, прагматические особенности) соотносится с проблематикой лингвистики дискурса, текста, прагмалингвистики и изучения языка в контексте культуры.

Актуальность исследования подкрепляется также его включенностью в проблематику изучения перформативности, теории речевого воздействия и поликодовых текстов, ярким примером которых являются русскоязычные магические заговоры. Несмотря на существующие работы, комплексный анализ поликодовой структуры именно русского магического заговора и механизмов интеграции его кодов требует дальнейшей разработки.

Цель – выявить и описать специфику поликодовой структуры русскоязычного магического заговора. Задачи:

- 1) описать лексико-морфологические и прагмалингвистические особенности вербального кода;
- 2) выявить и охарактеризовать паттерны невербальных кодов и их функции;
- 3) определить ключевые культурные коды и рассмотреть их в культурно-историческом контексте;
- 4) установить механизмы взаимодействия вербальных, невербальных и культурных кодов в формировании общего семиотического эффекта.

Объект исследования – русскоязычный магический заговор как поликодовый текст, предмет – его лингвосомиотические и лингвопрагматические характеристики.

Научная новизна заключается в системном описании поликодовой структуры русскоязычного магического заговора, включая анализ его вербальных, невербальных, культурных компонентов и механизмов их синергии. Теоретическая значимость заключается в разработке системной аналитической модели, которая не только детализирует вербальные, невербальные и культурные коды русскоязычного магического заговора, но и определяет конкретные механизмы их синергетического взаимодействия, тем самым углубляя и конкретизируя существующие концепции в теории поликодовых текстов.

Практическая значимость связана с возможностью применения результатов в преподавании, сопоставительных исследованиях и теории перевода фольклорных текстов.

Методы и материалы

Материалом послужил корпус из более чем 1800 текстов магических заговоров (XVII – первая треть XX в.), отражающих широкое географическое (Русский Север, Южная Сибирь, Центральная Россия, Украина) и тематическое (лечебные, защитные, любовные и др.) разнообразие. Корпус сформирован на основе рукописных источников из академических публикаций: «Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в.» [Русские заговоры... 2010] и «Заговоры из архивных источников XVIII – первой трети XX в.» (Т. 1–2) [Заговоры... 2023; 2024], что обеспечивает должный хронологический охват и репрезентативность.

Методология основана на комплексном подходе и включает в себя дискурсивный анализ; семиотический анализ (для выявления и классификации кодов и их взаимодействия); лингвистический анализ (лексико-семантический, морфологический, стилистический) вербальной составляющей; прагматический анализ речевых актов; элементы контент-анализа и культурно-исторического анализа.

Результаты

Для адекватного анализа поликодовой структуры русскоязычного магического заговора необходимо кратко очертить ключевые теоретические положения, лежащие в основе данного подхода и непосредственно релевантные для последующего исследования.

Центральным для понимания магического заговора как поликодового текста является признание его синкретичной природы, где вербальные, невербальные и культурные семиотические системы не просто сосуществуют, а находятся в тесном взаимодействии, порождая комплексный магический эффект. В рамках настоящего исследования под кодом понимается конвенциональная система правил, определяющая, как знаки соотносятся со значениями, и выделяется три основных типа кодов:

1. Вербальный код охватывает собственно языковое выражение заклинания – его лексические, морфологические, синтаксические и стилистические особенности, а также прагматические аспекты реализуемых речевых актов, направленных

на перформативное воздействие. Его анализ позволяет выявить специфические языковые средства, маркирующие магический язык и способствующие реализации суггестивной функции.

2. Невербальные коды включают в себя широкий спектр сопровождающих ритуальных элементов: акциональные (действия с предметами, телом), кинесические (жесты, мимика), проксемические (организация пространства и времени ритуала), предметные (использование магических артефактов) и паралингвистические (интонация, ритм, темп речи). Эти коды материализуют и усиливают вербальные формулы, участвуя в ритуале и воздействуя на различные каналы восприятия.

3. Культурные коды представляют собой систему мифологических, религиозных, архетипических и фольклорных представлений, образов и символов, формирующих картину мира. Они обеспечивают семантическую глубину заговора, его легитимность в рамках культуры и связь с коллективной памятью, позволяя интерпретировать текст в его историко-культурном контексте.

Поликодовый анализ, используемый в статье, предполагает не просто раздельное описание этих систем, а установление тех процессов и способов (т. е. механизмов), посредством которых эти системы интегрируются и достигают синергетического эффекта в русскоязычном магическом заговоре, объясняя, как именно это взаимодействие приводит к их слиянию и усилению.

Вербальные коды русского магического заговора: лингвистические характеристики

Вербальный код – эксплицитное ядро магического заговора, несущее основную семантическую нагрузку и выражающее магическое намерение. Анализ охватывает его лингвистические (лексические, морфологические) и прагматические особенности. Устойчивые **лексико-морфологические паттерны** формируют специфику вербального кода русских заговоров и способствуют реализации магической функции.

Лексические особенности

1. **Лексическая редундантность и повторы:** широко используются различные типы повторов, способствующие суггестии, мнемонизации и ритуальной маркировке текста. К ним относятся:

- **лексические повторы** ключевых слов / фраз для усиления и ритмизации: *предо мною крест,*

и за мною крест, по правую сторону крест и по левую крест и надо мною крест¹;

- **анафора и эпифора** (повторение элементов в начале / конце смежных единиц) для ритмико-синтаксического параллелизма: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Стану я, раб Божий имярек, благословесь и пойду перекрестись из избы дверьми, из дверей во двери, из ворот в ворота, в чистое поле, в восточную сторону. Есть в восточной стороне и в полуденную сторону*²;
- **повтор грамматических форм слова**: *пойду я из дверей в двери, из ворот в ворота*³;
- **синонимические ряды и пары** для амплификации смысла (тавтологические и синонимические удвоения служат магическим усилителем): *тоску и кручину, и сердешную болезнь*⁴.

2. Специфическая лексика:

- **архаизмы и историзмы**, придающие тексту авторитет и сакральность: *зрак (образ, вид): мой зрак лица моего, добраго молодца и(мярек)*⁵;
- **диалектизмы**, отражающие региональную специфику: *поветер: Говор(и) на заход(е) (солнца) на поветер 3 ж по 3 ж вечер*⁶;
- **сакральная лексика** (имена божеств, святых, демонов; религиозная терминология, часто в синкретизме): *Святой государь Илья пророк, поедеш(ь), государь, на ветреннем коне, розшиби, государь, дуб в поли, камен(ь) в море*⁷;
- **эвфемизмы** (иносказательные наименования опасных явлений, болезней, нечистой силы): *нечистый дух* (вместо дьявол, бес): *Молитва от нечистаго духа, от всякие болести*⁸;
- **глоссолалия и «заумь»** (непонятные или звукоподражательные слова, воспринимаемые

как тайные магические формулы, действенные благодаря звучанию): *Офифел и гаратон, и хатон, лимион, никитов фо фо, оскамаин, криснон, крифес, какътой, об(ъ)явите ми гибель мою, раба имерек*⁹.

3. **Числовой код в лексике**: активно используются символические числа (три, семь, девять и др.) как кодовые знаки, что проявляется в требовании кратного повторения действия, перечислении объектов или магическом счете. Это структурирует текст и усиливает его сакральную значимость: *замкнули за тридеветь ключей и за тридеветь замков*¹⁰.

Морфологические особенности

1. Преобладание императивных и оптативных форм:

- **повелительное наклонение (императив)**: прямые приказы, отражающие веру в возможность управления реальностью словом: *Стой, стрела, не ходи ко мне*¹¹;
- **желательное наклонение (оптатив)**: выражение волеизъявления через формулы пожелания: *так бы у меня, раба Божия имярек, не было бы тоски и кручины, сухоты и печали*¹².

2. Специфика синтаксической структуры:

- **параллелизм конструкций** для ритмизации и усиления: *рано вставаю, и медвяною росую умываюсь, и небом покрываюсь, и звездами ограждаюсь, и на все четыре стороны покланяюсь*¹³;
- **формулы аналогии (как... так и...)**, основанные на магии подобия: *Как ся вод(а) верхняя с нижней не сходитце, так бы не сходитце сему рабу Б(о)жию имярек с той работой Б(о)жией*¹⁴;
- **трехчастная структура** (зачин, основная часть, закрепка) для ритуальной завершенности:

¹ Научный архив Русского географического общества (АРГО). Ф. VI (раздел). Д. 22. 1850-е гг. Л. 36.

² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ). Ф. О.XVII. Д. 33. Последняя четверть XVIII – начало XIX в. Л. 6 об.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 199 (Собр. Никифоровых). Д. 358.1. Вторая половина XVIII в. Л. 2 об.

⁵ Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского (НБУ). Ф. 301. Д. 455 (Ед. хр.). Конец XVII – начало XVIII в. Л. 1.

⁶ Библиотека Российской академии наук (БАН). Ф. Сев. (Северное собрание). Д. 636 (21.9.10). Вторая четверть XVII в. Л. 15.

⁷ Там же. Л. 21.

⁸ РНБ. Ф. О.XVII. Д. 74. Третья четверть XVII в. Л. 41 об.

⁹ РГБ. Ф. 310 (Собр. В. М. Ундольского). Д. 696. 1670-е гг. Л. 75 об.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 196 (Собр. Ф. Ф. Мазурина). Оп. 1. Д. 1389. Конец XVIII – начало XIX в. Л. 2 об.

¹¹ НБУ. Ф. 301. Д. 827. Рубеж 1720–1730-х гг. Л. 12 об.

¹² РНБ. Ф. О.XVII. Д. 46. Первая половина XIX в. Л. 8 об.–9.

¹³ АРГО. Ф. VII. Оп. 1. Д. 44. 1887 г. Л. 8 об.

¹⁴ БАН. Ф. Сев. Д. 636 (21.9.10). Л. 14 об.

На море Окияне, на острове Буяне стоит дуб Карпиус (зачин); Ветры буйны... возьмите ту тоску (основная часть); мои слова, будьте крепки и лепки (закрепка)¹⁵;

- **обилие вокативов** (прямые обращения) для создания эффекта диалога: *Матушка Пресвятая Богородица*¹⁶.

Таким образом, лексико-морфологический строй русского заговора с его формульностью, архаичностью, символичностью, императивностью, параллелизмом и особой структурой функционально направлен на обеспечение перформативной и суггестивной силы. Многие из этих традиционных элементов вербального кода сохраняют актуальность в современных записях, свидетельствуя о высокой консервативности жанра [Krasheninnikova 2009: 31].

Невербальные коды русского магического заговора и их семиотическое измерение

Анализ поликодовой структуры магического заговора требует рассмотрения его невербальных компонентов – знаковых систем, не выраженных словесно, но сопровождающих, дополняющих или замещающих вербальный текст в ритуальном контексте. К ним относятся ритуальные действия, жесты, мимика, использование специфических предметов и организация пространства-времени обряда. Поскольку словесная формула заговора обычно сосуществует с действием, где они взаимобратимы и тождественны по функции, анализ невербальных компонентов необходим для понимания целостного семиозиса магического ритуала [Москвина 2024: 26; Топорков 2024: 90]. Этнографические описания и инструкции к русским заговорам выявляют следующие устойчивые паттерны невербальных кодов:

1. **Предметный (артефактный) код:** использование ритуальных объектов, наделяемых в обряде магической силой или особым символическим значением:

- **объекты природного происхождения** (медиа-торы или инструменты магического воздействия): *первый попавшийся на глаза осиновый куст*¹⁷;

- **предметы быта**, наделяемые символическим или апотропейным значением (выполняют специфическую магическую функцию): *топор и нож*¹⁸ (для отсечения зла или защиты).

2. **Акциональный и кинесический коды:** совокупность ритуальных действий и жестов:

- **действия с использованием медиаторов** (например, воды): ритуальные манипуляции с природными элементами для очищения или передачи магического свойства: *Три раза или обвести в воде, произнося заговор, потом дать ему выпить и обдать*¹⁹;

- **символические телесные жесты:**

– апотропеические жесты (отгоняющие зло): сплевывание: *(3-ри раза проговорить и плюнуть в болячку)*²⁰;

– жесты передачи или воздействия: дуновение (символизирующее сдувание болезни или передачу силы): *Говорить без отдыха сии слова три раза, дунуть и плюнуть*²¹;

- **манипулятивные действия с объектами или частями тела:**

– создание оберегов или символическое связывание / развязывание: манипуляции с нитками: *Прядут льняную нитку... пекут яйцо и эту ниткою завязывают его в правый рукав рубахи*²²;

– прямое физическое воздействие на объект / субъект: контактное лечение или защита: *Чтобы остановить течение крови из раны, нужно закрыть рану пальцем и трижды говорить*²³; символическое разрубание болезни жестом: *проводят пальцем по воздуху поперек глаза, как бы разрубая его*²⁴.

¹⁵ АРГО. Ф. VII. Оп. 1. Д. 44. 1887 г. Л. 11 об.

¹⁶ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Д. 500 (759). 1790–1820-е гг. Л. 16–17 об.

¹⁷ АРГО. Ф. XXXVI. Д. 48. 1889 г. Л. 85.

¹⁸ АРГО. Ф. VII. Оп. 1. Д. 70. 1892 г. Л. 10 об.

¹⁹ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ). Ф. V. Оп. 2. Д. п. 10. Ед. хр. 1–64. Л. 9.

²⁰ Отдел редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки Саратовского государственного университета (ОРКиР ЗНБ СГУ). Ф. собр. И. А. Шляпкина. Д. 568/8. Л. 1.

²¹ АРГО. Ф. VI. Д. 22. 1850-е гг. Л. 38 об.

²² АРГО. Ф. XXXVI. Д. 48. 1889 г. Л. 10.

²³ АРГО. Ф. VII. Оп. 1. Д. 70. 1892 г. Л. 3 об.

²⁴ АРГО. Ф. XXXVI. Д. 48. 1889 г. Л. 23.

3. Проксемический и хронотопический коды: организация пространства и времени ритуала:

- **выбор времени:** магическая сила часто связывается с пограничными состояниями (например, фазами луны): *Говорить это три раза на молодой месяц*²⁵;
- **выбор места (локуса):** ритуалы часто проводятся в особых, пограничных или нечистых местах с сакральным / магическим значением: *Больной идет в лес, подходит к первой по дороге осине*²⁶; *Стану я поутру благословясь, пойду перекрестясь во святую восточную сторону*²⁷.

4. Паралингвистический код: акустическое оформление заговора (характеристики голоса, манера произнесения) играет важную роль в общей перформативной эффективности [Березович, Малькова 2024; Krivenko 2021: 361, 367]:

- **манера произнесения:** специфическая интонация, громкость или тембр (например, шепот): *лекарь говорит шепотом, чтобы больной не слышал его слов*²⁸; *Приговаривает на воду в большом углу, неслышно, три раза*²⁹;
- **ритм и темп:** особый ритм или скорость произнесения (например, непрерывность): *Говорить без отдыха сии слова три раза*³⁰.

Таким образом, невербальный компонент русского заговора – это сложный, структурированный сценарий. Он включает в себя специфические предметы, символические действия, жесты и учет пространственно-временных параметров, образующих устойчивые, традиционно передаваемые паттерны ритуала.

Культурные коды в структуре и семантике русского магического заговора

Поликодовая структура русского магического заговора, помимо вербальных и невербальных, включает культурные коды – имплицитные системы знаков, символов, образов и стереотипов, укорененных в коллективных представлениях и формирующих традиционную картину мира. Отсылая к общему фонду мифологических, религиозных, космологических и социальных представлений, они

обеспечивают глубинное понимание и легитимацию заговора, связывая магический текст с архаическим мышлением, исторической памятью и ценностными установками этноса.

Культурные коды не статичны; их формирование и функционирование неразрывно связаны с длительным культурно-историческим развитием жанра. Основа заговорных формул и образов восходит к древнеславянской языческой культуре. Последующая христианизация (начиная с X в.) запустила сложный процесс взаимодействия языческой традиции и новой религии, который привел к уникальному синкретизму (народное православие или двоеверие [Fujiwara 2010: 144; Ioffe 2021]). Заговоры адаптировались, инкорпорируя христианские элементы, включая книжные и апокрифические сюжеты. Это сложное сочетание сакрального и профанного, книжных влияний и устной традиции проявлялось и в специфических способах табуирования и шифрования в рукописных заговорах XVII–XVIII вв. [Ippolitova 2021]. Бытуя преимущественно в крестьянской среде и передаваясь устно, заговоры, насыщенные многослойными культурными кодами, служили маркерами традиции, отражали народное мировоззрение и консервировали архаичные пласты культуры. Синкретические верования, связанные с колдовством, сохранялись и в советский период, а в 1990-е гг. получили освещение в медиа [Khristoforova 2023: 32], что соотносится с тенденциями к «перезачарованию» повседневности через популярные формы магии [Ezzy 2003: 47]. Этнокультурная специфика языковой концептуализации действительности, формируемая культурными кодами, отражается и в композиционно-стилистических характеристиках заговоров [Глухова 2015: 274].

Мифологемы, архетипы, религиозные мотивы

Русские магические заговоры отражают сложный синтез автохтонных славянских верований и усвоенной христианской традиции, что выявляется в следующих культурных кодах:

²⁵ АРГО. Ф. VI. Д. 22. 1850-е гг. Л. 38 об.

²⁶ АРГО. Ф. XXXVI. Д. 48. 1889 г. Л. 6.

²⁷ АРГО. Ф. VII. Оп. 1. Д. 44. 1887 г. Л. 7.

²⁸ АРГО. Ф. XXXVI. Д. 48. 1889 г. Л. 21.

²⁹ РО ИРЛИ. Ф. V. Оп. 2. Д. п. 10. Ед. хр. 1–64. Л. 66.

³⁰ АРГО. Ф. VI. Д. 22. 1850-е гг. Л. 38 об.

1. Мифологический и космологический код: воспроизводит элементы архаической славянской мифологической картины мира и космологии:

- **образ мифологического центра:** характерно перенесение действия в сакральный центр (горы, острова, города с библейскими, общефольклорными или местными корнями [Агапкина и др. 2018: 29, 43, 47]) – источник целительной силы. Типичная формула зачина: *На море Окияне, на острове Буяне стоит дуб Карпиус. Под ним лежит камень Анатырь*³¹. Устойчивые мифологемы (остров Буян, камень Алатырь) обеспечивают проекцию действий из магического центра на ситуацию;
- **персонифицированные силы природы и низшая мифология:** часты обращения к одушевленным силам природы или персонажам низшей славянской мифологии, например, к заре: *Заря заряница, прекрасная девица*³². Болезни часто персонифицируются как злые духи.

2. Архетипические образы и мотивы: прослеживаются устойчивые, повторяющиеся типы персонажей и сюжетные модели, укорененные в мифопоэтическом мышлении и отражающие фундаментальные аспекты человеческого опыта и традиционной картины мира:

- **фигура целителя / мастера:** центральный персонаж – целитель / мастер (исполнитель или мифологическая фигура), наделенный особой силой и знанием, воплощающий идею восстановления порядка и гармонии, например: *Идут три сестры Святая Мария*³³ (выступают как целительницы);
- **материнская / защитная фигура:** образ мифологической или сакральной материнской фигуры связан с мотивами защиты, помощи и исцеления: *Бабушка наша Саломонида, ты царя Бога нашего обывала, защищала и укрывала*³⁴;
- **значимость троичности:** частое использование числа три (троекратные повторы, три

персонажа) указывает на его символическую нагрузку, связанную с полнотой и завершенностью: *Попадаются навстречу три девицы, три сестрицы, одна Красота, другая Белота, третья Разжоба*³⁵.

3. Религиозный (христианский) код: после христианизации русские заговоры активно инкорпорируют элементы православной веры и культа, формируя уникальный синкретический пласт народной религиозности:

- **использование молитвенных формул:** начальные формулы (*Во имя Отца и Сына и Святого Духа*), вставки (*Господи, помилуй; Аминь*): *Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Господи Боже, благослови! Свят тый Егбрий, соблюди мое стадо*³⁶;
- **обращения к христианским персонажам:** к Иисусу Христу, Богородице, ангелам, святым как помощникам и защитникам: *Господи Вседержитель, отец небу и земли*³⁷. Определенные святые (Св. Георгий, Св. Николай и др.) были особенно популярны, наделялись устойчивыми функциями и атрибутами [Yudin 2021];
- **библейские аллюзии и сюжеты** (включая сакральные христианские символы): элементы, отсылающие к христианской традиции. Например, крест как универсальный хранитель: *Крест – хранитель ангельская слава; Крест – царям держава*³⁸. События или символы сакральной истории служат моделью и источником силы.

Эти культурные коды не существуют изолированно, а тесно переплетаются, создавая многослойность значений. Языческие мифологемы сочетаются с христианскими молитвенными формулами, архетипические сюжеты наполняются религиозными или локальными образами. Именно данный синкретизм является ключевой характеристикой культурного кода русских магических заговоров.

³¹ АРГО. Ф. VII. Оп. 1. Д. 44. 1887 г. Л. 11 об.

³² РО ИРЛИ. Ф. V. Оп. 2. Д. п. 10. Ед. хр. 1–64.

³³ АРГО. Ф. VII. Оп. 1. Д. 44. 1887 г. Л. 24 об.

³⁴ Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (ИЭА РАН). Ф. ОЛЕАЭ. Д. 195а. 1869–1870 гг. Л. 58 об.

³⁵ РО ИРЛИ. Ф. V. Оп. 2. Д. п. 10. Ед. хр. 1–64. Л. 26.

³⁶ ОРКиР ЗНБ СГУ. Ф. собр. И. А. Шляпкина. Д. 568/8. Л. 1.

³⁷ АРГО. Ф. VI. Д. 22. 1850-е гг. Л. 36.

³⁸ АРГО. Ф. VII. Оп. 1. Д. 44. 1887 г. Л. 1.

Взаимодействие поликодовых элементов в русских магических заговорах

Магический заговор функционирует как интегративная система, где взаимосвязанные вербальные, невербальные и культурные коды порождают синергетический эффект, обеспечивая смысловую полноту и перформативную силу ритуала.

Культурные коды, являясь имплицитными системами знаков, символов и образов из коллективных (мифологических, религиозных, космологических) представлений формируют традиционную картину мира и служат основой для всего ритуала. Развиваясь от дохристианских корней через процессы синкретизма с христианством и влияние книжной культуры, эти коды обеспечивают глубинное понимание и легитимацию заговора. Они затрагивают архаические пласты мышления и связывают ритуал с исторической памятью и установками этноса.

На этой культурной основе разворачивается вербальный код, рассматриваемый как целенаправленный речевой акт. Он реализует магическое намерение через различные типы иллокуций, включая директивы, декларативы, ассертивы с перформативной функцией и эмоционально окрашенные экспрессивы, задавая тем самым желаемую установку трансформируемой реальности.

Невербальные коды выполняют множество взаимосвязанных семиотических функций, часто материализуя и усиливая содержание вербального и культурного кодов. Они могут символически дублировать вербальный текст и культурные концепции, реализовывать принципы симпатической магии, сакрализировать и легитимировать ритуал через выбор культурно значимых элементов. Кроме того, невербальные компоненты оказывают суггестивное воздействие, выполняют защитную (апотропеическую) функцию и структурируют ритуал, маркируя его этапы.

Если идея синергетического эффекта от взаимодействия разных знаковых систем в ритуале является общепринятой в фольклорной семиотике, то ключевым вкладом данной работы является выделение и описание конкретных механизмов, управляющих этим процессом в структуре русского заговора:

1. Семиотическая редундантность и взаимное усиление: дублирование значения или интенции средствами различных кодов усиливает посыл, повышает суггестивность и материализует абстрактные намерения.

2. Комплементарность и функциональная специализация: коды дополняют друг друга. Вербальный код чаще несет когнитивную и директивную нагрузку; невербальные передают эмоциональный настрой и обеспечивают перформативное исполнение; культурные коды обеспечивают контекстуализацию, авторитетность и глубинную семантику.

3. Динамическое взаимодействие и структурирование ритуала: комбинация и последовательность активации кодов создают «драматургию» ритуала, маркируя его этапы.

4. Мультимодальное воздействие и создание холистического опыта: одновременное обращение к разным каналам восприятия (сознанию, памяти, архетипам, верованиям, сенсорике, эмоциям) создает целостный, иммерсивный опыт, усиливая веру в действенность.

5. Обеспечение семиотической когерентности: внутренняя согласованность между значениями, передаваемыми разными кодами, и соответствие культурным нормам и ожиданиям являются залогом успешного функционирования заговора.

Заключение

Проведенное исследование выявило специфику русскоязычного магического заговора как сложноорганизованного поликодового текста, где взаимодействуют вербальные, невербальные и культурные коды. Вербальный код характеризуется специфическими лексико-морфологическими паттернами (редундантность, архаичная и сакральная лексика, числовая символика, императивные / оптативные формы, трехчастная структура), реализуясь как последовательность перформативно направленных речевых актов; слово здесь функционирует как инструмент символического действия. Невербальный код, неотъемлемая часть заговора, формирует ритуальный контекст через устойчивые паттерны предметного, акционального, кинематического, проксемического и хронотопического кодов; он материализует вербальные формулы, реализует принципы симпатической магии, сакрализует и структурирует ритуал, оказывая мультимодальное суггестивное воздействие и обеспечивая воплощенность магического акта. Культурные коды (мифологические, космологические, религиозные) формируют глубинный семантический пласт, связывая заговор с традиционной картиной мира через образы мирового центра, персонификацию сил,

синкретизм дохристианских и христианских элементов, что обеспечивает легитимность и символическую логику заговора. Ключевым фактором семиотической эффективности является системное взаимодействие кодов через механизмы редундантности, комплементарности, динамической синхронизации и когерентности, создающее целостный мультимодальный эффект для достижения перформативной цели.

Таким образом, русский магический заговор представляет собой комплексный, синкретичный поликодовый феномен, где язык, ритуальное действие и культурный контекст неразделимы. Понимание этой поликодовой структуры является ключевым для адекватной интерпретации данного уникального жанра и закладывает основу для дальнейших исследований.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. Г. Фомин – концептуализация, научное руководство, написание и редактирование. Б. Л. Яницкий – концептуализация, сбор, анализ и интерпретация данных, написание и редактирование.

Contribution: A. G. Fomin developed the research concept, supervised the project, and proofread the manuscript. B. L. Ianitskii developed the research concept; collected, analyzed, and interpreted the empirical data; drafted and proofread the manuscript.

Литература / References

- Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Топонимия заговоров Русского Севера. II: Земли. Горы. Острова. Города. *Вопросы ономастики*. 2018. Т. 15. № 2. С. 28–69. [Agapkina T. A., Berezovich E. L., Surikova O. D. Toponyms in the charms of the Russian North. II: Lands. Mountains. Islands. Cities. *Voprosy Onomastiki*, 2018, 15(2): 28–69. (In Russ.)] https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.014
- Баранов А. Н. Магические дискурсивные практики в русском публичном дискурсе. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. 2024. Т. 23. № 3. С. 17–28. [Baranov A. N. Magical discursive practices in Russian public discourse. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2024, 23(3): 17–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.2>
- Березович Е. Л., Малькова Я. В. «Напряженное» звучание в обрядности и магии (на материале культурно-языковой традиции Костромской области). *Уральский исторический вестник*. 2024. № 2. С. 24–33. [Berezovich E. L., Malkova Ya. V. "Tense" sounds in ritualism and magic (based on materials of cultural and linguistic tradition of Kostroma region). *Ural'skij Istoriceskij Vestnik*, 2024, (2): 24–33. (In Russ.)] [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2\(83\)-24-33](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2(83)-24-33)
- Глухова Н. Н. Общие и отличительные черты русских и марийских заговоров. *Рябининские чтения – 2015: VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера*. (Петрозаводск, 7–11 сентября 2015 г.) Петрозаводск: Гос. музей-заповедник «Кижский», 2015. С. 274–276. [Glukhova N. N. Common and distinctive features of Russian and Mari Charms. *Ryabinin Readings 2015: Proc. VII Conf. on Cultural Heritage of Russian North*, Petrozavodsk, 7–11 Sep 2015. Petrozavodsk: Kizhi State Open Air Museum, 2015, 274–276. (In Russ.)]
- Гончарова Е. С. Магический дискурс как суггестивный тип коммуникации. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. 2012. № 2. С. 167–170. [Goncharova E. S. Magic discourse as suggestive type of communication. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2012, (2): 167–170. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/puapvx>
- Завьялова М. В. Балто-славянский заговорный текст: Лингвистический анализ и модель мира. М.: Наука, 2006. 562 с. [Zavyalova M. V. *Balto-Slavic charm text: Linguistic analysis and world model*. Moscow: Nauka, 2006, 562. (In Russ.)]
- Заговоры из архивных источников XVIII – первой трети XX в. Т. 1. Европейская Россия, сост. Т. А. Агапкина. М.: Индрик, 2023. 512 с. [*Charms from the archival sources (the 18th – the first third of the 20th centuries)*. Vol. 1. European Russia, comp. Agapkina T. A. Moscow: Indrik, 2023, 512. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31168/91674-721-8>

- Заговоры из архивных источников XVIII – первой трети XX в. Т. 2. Сибирь. Урал. Европейский Север, сост. А. Б. Ипполитова, А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2024. 536 с. [*Charms from the archival sources (the 18th – the first third of the 20th centuries). Vol. 2. Siberia. The Urals. European North*, comps. Ippolitova A. B., Toporkov A. L. Moscow: Indrik, 2024, 536. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31168/91674-722-5>
- Куликовская Е. Н. К вопросу о «полуперформативных» глаголах в текстах русских заговоров. *Art Logos*. 2021. № 2. С. 160–167. [Kulikovskaya E. N. Semi-performative verbs in Russian charms: Criteria and argumentation for selection. *Art Logos*, 2021, (2): 160–167. (In Russ.)] https://doi.org/10.35231/25419803_2021_2_160
- Москвина В. А. Семантическое поле древесных ритуальных предметов в русском заговорно-заклинательном обряде. *Этническая культура*. 2024. Т. 6. № 1. С. 25–30. [Moskvina V. A. The semantic field of wood ritual objects in the Russian spell rite. *Ethnic Culture*, 2024, 6(1): 25–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31483/r-109022>
- Скорик К. В. Семиотический статус предметов и их функционирование в англосаксонских и русских заговорах. *Litera*. 2021. № 4. С. 205–213. [Skorik K. V. Semiotic status of objects and their functioning in the anglo-saxon and Russian charms. *Litera*, 2021, (4): 204–210. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.4.35272>
- Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в., сост. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2010. 832 с. [*Russian charms in manuscripts of 17th – First Half of 19th Century*, comp. Toporkov A. L. Moscow: Indrik, 2010, 832. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qponsn>
- Топорков А. Л. Проблемы издания и комментирования русского магического фольклора. *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2024. Т. 7. № 2. С. 81–108. [Toporkov A. L. Problems of publishing and commenting on Russian magical folklore. *Fol'klor: Struktura, Tipologija, Semiotika*, 2024, 7(2): 81–108. (In Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2024-7-2-81-108>
- Austin J. L. *How to do things with words*. Oxford: Clarendon Press, 1962, 167.
- Conrad J. L. Russian ritual incantations: Tradition, diversity, and continuity. *The Slavic and East European Journal*, 1989, 33(3): 422–444. <https://doi.org/10.2307/308729>
- Ezzy D. New age witchcraft? Popular spell books and the re-enchantment of everyday life. *Culture and Religion*, 2003, 4(1): 47–65. <https://doi.org/10.1080/01438300302813>
- Forrester S. Russian village magic in the late Soviet period: One woman's repertoire of Zagovory. *Russian History*, 2013, 40(3-4): 540–558. <https://doi.org/10.1163/18763316-04004017>
- Fujiwara J. Rediscovery of the 'reality' of magic: The revival of magic in post-socialist Russia. *Inner Asia*, 2010, 12(1): 143–156. <https://doi.org/10.1163/146481710792710273>
- Ioffe D. East-European critical thought myth, religion, and magic versus literature, sign and narrative. *Religions*, 2021, 12(9). <https://doi.org/10.3390/rel12090717>
- Ippolitova A. B. Sacred and profane: Tabooing in Russian magical manuscripts of the 17th–18th centuries (incantations and herbal manuals). *Religions*, 2021, 12(7). <https://doi.org/10.3390/rel12070482>
- Khristoforova O. B. "We live in the country of the Victorious Kafka": Witchcraft and magic in present-day Russia. *Martor. The Museum of the Romanian Peasant Anthropology Review*, 2023, (28): 31–55.
- Krasheninnikova Iu. Charms and incantational magic of the Northern Russians (in records of the early twenty-first century). *FOLKLORICA – Journal of the Slavic, East European, and Eurasian Folklore Association*, 2009, 14: 31–48. <https://doi.org/10.17161/folklorica.v14i0.3816>
- Krivenko E. Performativity in French, English and Russian voice and silent charms. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpsBS)*, Novosibirsk, Irkutsk, 1–3 Apr 2021, vol. 118, 360–367. [https://doi.org/10.15405/epsbs\(2357-1330\).2021.12.1](https://doi.org/10.15405/epsbs(2357-1330).2021.12.1)
- Kulikovskaya E. N. Intentionality and addressness of performative verbs in Russian charm texts. *Incantatio*, 2022, (10): 71–83. https://doi.org/10.7592/Incantatio2022_10_Kulikovskaya
- Language, Culture, and Society: Key topics in linguistic anthropology*, eds. Jourdan C., Tuite K. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, 364.
- Tavárez D. E. Ritual language. *The Cambridge Handbook of Linguistic Anthropology*, eds. Enfield N. J., Kockelman P., Sidnell J. Cambridge: Cambridge University Press, 2014, 516–536. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139342872.024>
- Yudin A. V. Christian saints in Russian incantations: Onomasticon and functions. *Religions*, 2021, 12(8). <https://doi.org/10.3390/rel12080556>